
Т. А. ИВАНОВА

**ОТ ЦЕЛОСТНОСТИ АНДРОГИНА
К ДЕКОНСТРУКЦИИ ГЕНДЕРА:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ
И КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

Статья посвящена сравнительному анализу метафизики пола и философии гендера в историко-философском контексте. Объектом исследования является феномен андрогина в философии, предметом – его историческая трансформация начиная от платоновского диалога «Пир» и заканчивая квир-теорией. Первая часть статьи освещает динамику развития концепта андрогина в древнегреческой и средневековой философии, немецком романтизме и русской религиозной мысли, раскрывая его специфику в язычестве и христианстве. Во второй части статьи анализируются философские основания современного дискурса о гендере в сравнении с предшествовавшими ему концепциями метафизики пола. Делается вывод, что в связи с изменениями в современном обществе меняются и контексты обсуждения проблемы пола. На место проблемы целостности встает проблема выбора, что влечет за собой напряженный поиск гендерной идентичности современным человеком. Предполагается, что в этом поиске теряется стремление человека к духовной целостности, символически отраженной в идеале андрогина, понимание которого также претерпело трансформацию – от трансцендентного по отношению к человеческому бытию божественного прообраза к имманентному повседневности образцу поведения или имиджу человека. В заключении приводятся основные социальные контексты, в которых гендерная проблематика является наиболее актуальной для современного человека. В исследовании автор опирается на герменевтический методологический подход, применяя искусство философского истолкования к наблюдаемым в современном обществе феноменам. Новизна исследования заключается в том, что в данной статье осмысляются параллели между современным дискурсом о гендере и концептом андрогина в истории философии.

Ключевые слова: андрогин, гендерный дискурс, квир-теория, кризис идентичности, критика постструктурализма, метафизика пола, перформативность гендера, современное общество.

The article is dedicated to the comparative analysis of the metaphysics and philosophy of gender in the historical and philosophical context. The object of the research is the phenomenon of androgyne in philosophy, the subject is its historical transformation, starting from the Platonic dialogue "The Symposium" and ending with queer theory. The first part of the article clarifies the dynamics of the development of the concept of androgyne in ancient Greek and medieval philosophy, German romanticism and Russian religious thought, revealing its specificity in paganism and Christianity. The second part of the article analyzes the philosophical foundations of modern discourse about gender, in comparison with the concepts of gender metaphysics that preceded it. It is concluded that, in connection with the changes in modern society, the contexts of the discussion of the problem of gender are also changing. The problem of integrity is replaced by the problem of choice, which entails an intense search for gender identity by modern man. It is assumed that in this search a person's striving for spiritual integrity is lost, symbolically reflected in the ideal of the androgyne, the understanding of which has also undergone a transformation – from a divine prototype transcendent to human existence to an immanent model of behavior or human image. In the conclusion, the main social contexts in which gender issues are most relevant for a modern person are presented. In the study, the author relies on a hermeneutic methodological approach, applying the art of philosophical interpretation to the phenomena observed in modern society. The novelty of the research lies in the fact that this article comprehends the parallels between the modern discourse about gender and the concept of androgyne in the history of philosophy.

Keywords: androgyne, gender discourse, queer theory, identity crisis, criticism of poststructuralism, gender metaphysics, gender performativity, modern society.

В современном обществе наблюдаются обострение проблемы гендерного дискурса и активное развитие гендерных исследований [Техника... 2015]. В эту область сделала большой вклад философия постструктурализма, на основе которой затем возникла квир-теория, утверждающая, что гендер не обладает собственной сущностью, а является лишь пустым социальным конструктом, который формируется и наполняется смыслом в контексте властных отношений, репрессирующих субъекта. Если у гендера нет сущности, он может

быть деконструирован произвольным образом [Джагоз 2008]. Опираясь на работы М. Фуко, Ж. Делёза и Ж. Деррида, Джудит Батлер предложила модель такой деконструкции, постулируя, что пол и гендер, по сути, представляют собой одно и то же в их зависимости от приписываемых им в культуре текстовых кодов, и в этом смысле само существование гендера абсурдно и может быть подорвано на примере трансгендерности, которая ломает и переворачивает стереотипы обыденного восприятия посредством парадоксального сочетания несочетаемого, в чем и состоит абсурд гендера [Butler 1990]. Воплощение в современном обществе этой подрывающей основания гендера стратегии можно наблюдать в борьбе меньшинств за освобождение от тирании гендера и в попытках претворить квир-теорию в жизнь через разведение пола и гендера и произвольного конституирования любого гендера или множества гендеров за пределами бинарной оппозиции пола. Вынесение темы пола за пределы философского дискурса стало возможно за счет избавления от ее метафизических оснований, на деконструкцию которых и был направлен постструктурализм. Но, избавившись от них в гендерном дискурсе, мы продолжаем сталкиваться с прежними проблемами, которые так и не были решены, например, с проблемой борьбы полов или расколотости и целостности человека, которая драматически переживается им и сейчас в контексте темы пола. Гендерная теория осталась на уровне игр языка и не смогла разрешить эти проблемы, а лишь отодвинула их, заменив метафизику пола на дискурс о гендере, который порождает множество новых сущностей в форме бесчисленных вариаций возможных гендеров, но не дает оснований для философского синтеза всех этих языковых конструкций.

Целью данной работы является критическое осмысление утраченных современным дискурсом о гендере метафизических оснований для получения более цельного представления о проблеме пола и гендера в философии. Одним из древнейших философских концептов, посредством которого уже освещалась эта проблема, является концепт андрогина, который существовал еще до философии, в мифах и ритуальных практиках разных культур как символ неделимой целостности или первоначального единства, впоследствии распавшегося надвое или породившего множественность

[Элиаде 1998]. В философии концепт андрогина появился с диалога Платона «Пир», в котором были описаны шарообразные существа, воплощающие собой единство и полноту соединения двух полярных начал – мужского и женского. Зевс разделил их пополам, чтобы обезопасить себя и других богов от их притязаний на власть, лишив их могущества. С тех пор каждая половина этого бывшего некогда целым существа занята поисками второй половины, чтобы обрести утраченную ею целостность [Платон 2019]. В этом смысле человек после разделения уже не является самодостаточным. Его пол – это половина, и он зависим от потерянной им второй половины, без которой он слаб, неполноценен и лишен покоя. В мифе Платона отражена глубочайшая драма метафизики пола, в которой человек обречен на вечную тоску по чему-то более совершенному, чем он сам, неудовлетворенность своим наличным бытием и поиски воссоединения с полнотой, которая была им утрачена.

Платоновский миф оказал большое влияние на развитие всей западноевропейской и русской философии, осмысляясь в неоплатонизме, средневековой христианской философии, немецком романтизме, а затем и в русской религиозной философии.

Философия Плотина унаследовала платоновскую проблему утраты целостности, которая была представлена в ней процессом отпадения множества от единства. В Едином нашли отражение идеи Платона о Благе и об андрогине. Согласно Плотину, процесс разделения Единого начался в Уме, в Душе появилась множественность, а в материи распад целостности достиг своего предела [Плотин 1995].

Воззрения Плотина формировались в период взаимного обмена между западными и восточными религиозными культурами, что оказало влияние на дух его философии, в которой появился дуализм, разделение на зло и добро, тело и душу. Этот дуализм породил негативное отношение к материальному миру и телу в Средневековье, что вызвало особый интерес философов к теме пола, которая начала восприниматься ими в контексте зла и упадка.

Концепт андрогина был актуален для интеграции в христианский миф о грехопадении, которая была осуществлена Иоанном Скоттом Эриугеной с опорой на отцов церкви, св. Григория Нисского и св. Максима Исповедника. Смысловым узлом мифа об ан-

дрогине является проблема человеческой целостности, которая в христианской традиции считается разрушенной с момента первородного греха и изгнания человека из рая.

Св. Григорий Нисский полагал, что телесность человека в ее эмпирическом состоянии не имеет отношения к его сущности, которой является образ Божий, а отражает животную часть природы человека, промыслительно присоединенную Богом к испорченной грехопадением человеческой природе, частью которой стало разделение полов. Глубинной причиной такого положения дел он считал обращение ума человека к материи, которую человек спутал с благом. Следовательно, для восстановления первоначальной природы человеку необходимо вновь обратиться к Богу, очистить его, что позволит достичь полноты первообраза, стоящего над разделениями. Св. Григорий Нисский утверждал, что текущее состояние человека не является нормальным и не может сохраняться вечно, ведь материя подвержена разложению, поэтому нужно подчинить элементы тела душе, восстановить гармоничные отношения с Богом и миром, чтобы при воскресении душа беспрепятственно соединилась с телом естественным образом [Бриллиантов 1998].

Согласно св. Максиму Исповеднику, разделение природы человека на два пола стало частью общего процесса отделения сотворенной природы от несотворенной, и, чтобы воссоздать единство, человеку в первую очередь необходимо уничтожить первое найденное им в себе следствие грехопадения, привязанность к чувственному миру, связанную с разделением полов, которое не имеет отношения к идее человеческого существа. Преодоление разделения начинается с победы над страстями, благодаря которой человек объединяет в себе все существующее и приносит его в дар Богу. Максим полагал, что законы плотской природы должны быть разрушены, а путь их разрушения и воссоздания утраченной целостности открыл человечеству Христос в своем нетленном рождении [Там же].

Иоанн Скот Эриугена в трактате «О разделении природы» рассматривал падение человека как закономерный процесс, который уже был заложен в промысле творца. В своих трудах он затрагивал тему пола, утверждая, что в Боге нет разделения, от которого страдает человек, поскольку Бог воплощает собой единство. В человеке

же раскол на два пола возник после грехопадения, соответственно, и вина, и необходимость ее искупления также лежат на человеке, который должен разрешить эту проблему путем выхода из неведения, преодоления своих греховных вожделений и обращения своей воли к Богу [Антология... 2001]. Только следуя примеру Христа, человек может осуществить мистерию преображения. В Христе оба начала, мужское и женское, были воссоединены после воскресения, что открывает потенциал их воссоединения и для человека, но лишь посмертный, поскольку подлинный синтез свершается эсхатологически. В жизни же человек может только стремиться к этому идеалу [Рассел 2018].

Якоб Бёме предложил оригинальную интерпретацию грехопадения, которая тоже восходила к андрогинному идеалу первочеловека, распавшегося на диаду после того, как Адам погрузился в сон до извлечения Господом из него Евы и прельстился животной жизнью. Его участь могла быть хуже, но Господь сжалился над ним и дал ему жену, чтобы была возможность вновь сделать двоих одним. Обольщение Евы змеем было лишь следствием уже свершившейся деградации из-за отпадения Адама от Бога в неосознанном стремлении к более низкому онтологическому уровню [Беме 1994]. Вернуть же потерянную целостность человек может лишь с помощью благодати Софии, небесной Девы, помощницы Бога, которая хранит в себе тайну правильного соединения противоположностей в гармонии, открывающую путь к бессмертию [Шипфлингер 1997].

О распаде целостности человеческой природы на два пола из-за греха писал и последователь Я. Бёме Ф. Баадер, который видел единственный возможный путь воссоединения двух разделенных полов в духовном браке, собирающем воедино небесный образ человека. Возвышенный идеал андрогина Баадер противопоставлял гермафродитизму, который в Древней Греции представлял параллельную андрогину мифологическую линию, повествовавшую о соединении двух полов в целое, но не как половин изначального единства, а как двух существ, которые ранее были разными, но боги искусственно соединили их в одно. Баадер считал, что гермафродитизм исполнен языческих чувственных смыслов, а потому он противостоит христианскому целомудренному идеалу андрогина [Эвола 2012].

Как у Платона, так и у средневековых мыслителей и христианских мистиков концепт андрогина был связан с духовно-этической проблематикой взаимоотношений человека с потусторонней, сакральной или божественной реальностью. В обоих вариантах интерпретации расколотости человеческой природы на два пола человек оказался виновен в этом событии, притязая на власть, завидуя беззаботным животным, претендуя самостоятельно решать, что такое добро и зло. За эту претензию на своеволие и самовластие, бросающую вызов сакральной реальности, человек был жестоко наказан своим ослаблением и зависимым положением, следствием чего оказалось его ветхое, брэнное, страдающее и уязвимое тело, преобразить которое он может надеяться лишь духовным путем, посредством веры и смирения.

Продолжением линии осмысления духовного идеала андрогина в философии стали русские религиозные философы, среди которых наибольшее значение в контексте данной темы имели работы В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова. Их целью было обновление христианства и преодоление раскола человека на тело и душу, а средством достижения этой цели – осмысление проблемы любви, метафизики пола и человеческой целостности. В. С. Соловьев полагал, что человеку необходимо преодолеть в себе односторонность, тесно связанную с эгоизмом, чтобы выйти за пределы своей индивидуальности к единению с другими. Первым шагом к такому единству является образование андрогинической пары, союза с возлюбленным [Соловьев 2016]. Н. А. Бердяев аналогично полагал, что искажение природы человека может быть преодолено лишь посредством любви, раскрывающей в каждом из любящих внутреннего андрогина, который является источником творчества, позволяющего человеку преодолеть свою смертную природу. Идеалом андрогинической целостности человека он считал Христа [Бердяев 1993]. При этом Бердяев критиковал феномен гермафродитизма, то есть уподобления полов друг другу, обостряющего конфликты между ними, нивелирующего индивидуальность человека и не ведущего, по его мнению, к синтезу полярностей [Его же 1989]. Критиковал стремление к бесполому идеалу и В. В. Розанов, полагающий, что гармоничный вариант андрогина может быть достигнут лишь в супружеском союзе, но не может быть воплощен

в одном человеке [Розанов 2011]. Все эти философы рассматривали пол с метафизической точки зрения, пытаясь найти в нем глубокий смысл именно такого устройства человеческого бытия. В русской философии также проблема пола освещалась в связи с жизнью человечества, темами прогресса и будущего, что отражено в идее всеединства Соловьева. В этом смысле андрогин является символом не только индивидуальной, но и всеобщей целостности человека вообще.

После вспышки идеалистических и критических концепций андрогина в русской философии Серебряного века, условно завершающей метафизически-религиозный ракурс рассмотрения проблемы пола, наблюдается заметная смена парадигмы, которая связана с появлением понятия «гендер» в 70-х гг. XX в. на Западе, феминистскими исследованиями, постструктуралистской волной и появлением квир-теоретиков, исходящих из совершенно иных философских оснований. Понятие «гендер» впервые было введено Джоном Мани в медицинском контексте, а затем переосмыслено Робертом Столлером как психологическая характеристика личности человека, после чего данный термин проник в социологию, а затем стал междисциплинарным [Воронова 2015]. С появлением понятия «гендер» биологический, психологический и социальный пол человека были разведены, что сказалось на дальнейшем восприятии этой темы. Вклад в разведение этих понятий также был сделан феминистской философией, одной из ярких представительниц которой была Симона де Бовуар с ее критикой фрейдистского тезиса о том, что анатомия – это судьба, и противопоставлением ему другого тезиса, постулирующего, что женщиной не рождаются, а становятся [Бовуар 1997]. Далее на основе трудов М. Фуко появляется перформативная теория гендера, которая рассматривает гендер сквозь призму властных отношений, репрессирующих субъекта [Батлер 2002]. Дж. Батлер предлагает деконструировать различия между культурным и биологическим полом так, чтобы выйти за пределы властных отношений, насколько это возможно. Для этого она показывает, что тело наделяется гендером лишь в культуре, поэтому посредством критической мысли и анализа языка можно выйти за пределы культурных ограничений и бинарных оппозиций. На Западе появляется квир-теория, призванная объединить все выходящие за

пределы нормативности категории идентичностей зонтичным феноменом «квир», который является пластичным по сути своей и отрицает собой репрессивные определения, окончательно разрывая причинно-следственные связи между биологическими особенностями человека и его самоидентификацией [Джагоз 2008]. Примечательно, что для разрыва этих связей с философской точки зрения необходима предшествующая ему редукция феномена пола к телесному или социальному образованию, что означает утрату его метафизического измерения. Квир-теория ставила перед собой задачу проблематизировать очевидное и ранее не подвергавшееся сомнению, задать новый дискурс и способ осмысления проблемы пола за пределами эссенциализма, согласно которому пол представляет собой неизменную сущность человека. В квир-теории пол и гендер отрицались в качестве всеобщей универсалии, которая возвышалась бы над единичным опытом, что означало приоритет опыта в ней над умозрительными конструкциями, характерными для религиозно-философской метафизики пола.

В данной философии пол утрачивает духовное измерение и статус неизменной данности, которая подвержена лишь мистическим трансформациям. Превратившись в созданный человеком конструкт, пол распадается на многогранные гендерные измерения и становится продуктом человеческого творчества, инструментом самовыражения. Поскольку человек обретает способность распоряжаться своим телом так, как он пожелает, не только на уровне осмысления, но и на непосредственном техническом уровне бытия своей телесной фактичности, пол становится текучим и изменчивым феноменом, который может быть в любой момент преобразован. В этом контексте феномен андрогина теряет свой смысл, поскольку проблема пола начинает решаться не на основе духовно-этического должностования человека и его отношения к Богу, а на основе свободного выбора, в котором человек может стремиться превзойти ограничения, заданные его телесностью, и возвыситься над ними в позиции творца самого себя. Для этого неизбежно требуется не преодоление, а поддержание человеком разрыва между биологическим, психологическим и социальными способами быть, что исключает целостность. Так, проблема целостности или полноты трансформируется в современном обществе в проблему ничто или

отрицания, бегства человека от несвободы, а свобода начинает отождествляться уже не с избавлением от страстей, как это было у христианских философов, а с наиболее полным воплощением в жизнь своих желаний с опорой на возможности капиталистического общества. В этом смысле человек стремится уже не к гармонии единства, а к превосхождению самого себя, к тому, чтобы стать сверхчеловеческим существом, идеал которого может сравниться с языческим пониманием андрогинов как обладающих надчеловеческим могуществом. Но, в отличие от описанной в мифе Платона ситуации, над этим современным идеалом человека нет богов, которые могли бы ограничить его.

Предельной степенью выражения пластичной категории квир является бесполоый идеал, который представляет собой чистое «ничто» по отношению к полу и гендеру, необходимое для самопроизвольного создания новых гендерных эффектов в каждый момент времени. Согласно Н. Бердяеву, это «ничто» означает уничтожение полярности полов, которое, по его мнению, ведет к обнулению творческого потенциала человека [Бердяев 1989].

Бесполоый идеал современной культуры можно рассматривать как тень вытесненного из нее андрогинного идеала, в целостности и полноте которого больше нет смысла. Андрогин в современном обществе перестал быть исключительно символическим концептом, покинул область воображаемого и стал буквальным, превратившись из умозрительного конструкта или метафоры в реально воплощенное телесное существо, что привело к его сближению с гермафродитом. В религиозно-философских концепциях граница между андрогином и гермафродитом задавала метафизический объем, поскольку означала невоплотимость андрогинного идеала на земле по причине несовершенства тварного мира. Однако теперь благодаря технологиям проблема несовершенства является частично решенной, что позволяет упразднить различия, которые раньше казались непреодолимыми.

В связи с критикой метафизики человек оказался пойманным в ловушку собственной идентичности. Теперь вместо вопроса о воссоздании утраченного им единства он решает вопрос, кто он такой и кем ему нужно быть завтра, а центральное место любви в мифе об андрогине заняла проблема поиска и выражения человеком соб-

ственной индивидуальности, в чем отражается присущий современной культуре феномен нарциссизма.

Кризис идентичности, переживаемый человеком в изменчивом обществе, является одной из основ проблемы гендерного дискурса. Б. Гройс отмечал, что в современном обществе заметно утрачивается чувствительность к изменениям, поскольку они не стабилизируются, что ведет к исчезновению ощущения перемен [Гройс]. Человек утратил жестко регламентированное место в обществе и попал в калейдоскопическую действительность изменчивых и релятивных ценностей, в которой он обречен на то, чтобы каждый раз заново выбирать себя, свою профессию и свою гендерную идентичность. Становясь бесполом, человек обнуляется для того, чтобы в любой момент можно было сделать иной выбор. Идентификация с тем или иным полом становится для бесконечно выбирающего человека невыносимым ограничением, и он пытается избавиться от него, заменяя не оставляющий выбора пол на гибкий и плавающий, спектральный гендер, который можно конституировать заново в каждый момент «здесь и сейчас» [Батлер 2002].

Помимо проблемы высокого темпа жизни, быстротечных изменений и дестабилизации социальных связей, на гендерное самоопределение современного человека также влияют особенности информационной культуры, которая задает принципиально иные способы коммуникаций, выравнивающие гендерные различия. Попадая в многоплановую виртуальную среду и пребывая в ней большую часть своего времени, человек получает широкие возможности для репрезентации собственного «я», выходящей за пределы границ физического мира и телесности, что задает совершенно новый контекст для творческого самоопределения во всех отношениях, в том числе и в отношении гендера [Тихонова 2016]. Самоидентичность личности в виртуальной среде становится перформативной, что приводит к реконструкции реального «я» человека, на фоне которой пол и гендер полностью отрываются от их физических коррелятов и конструируются заново в контексте социальных связей, выходящих за пределы не только половых и гендерных, но и социокультурных различий между людьми. Плюрализм виртуальной среды требует гибкости переключения человека с одной идентичности на другую, что предполагает децентрализацию его личности [Чер-

няева 2010]. Такие условия создают благодатную почву для нивелирования гендерных различий и психологической андрогинизации человека, в связи с чем теряется необходимость в запредельном андрогинном идеале [Федюнина 2008].

Другим современным культурным контекстом, в котором разворачивается гендерная проблематика, является общество глобализации и мультикультурализма, в котором все больше усложняется система взаимодействия между разными идентичностями людей [Малыгина 2016а]. В свете либеральных и демократических идеалов, направленных на развитие в обществе толерантности к многообразию различий, стираются жесткие границы между полами, происходит переплетение между культурами, что ведет к утверждению плюрализма точек зрения и росту гуманизации, а значит, и к отказу от нормативности гендерных ролей [Ее же 2016б], благодаря чему гендер становится для человека, с одной стороны, горизонтом новых возможностей, с другой – сферой борьбы за социальные ресурсы [Тартаковская 2017].

Кроме того, важно отметить вклад ценностей потребления в изменение гендерного самосознания современного человека. Ж. Бодрийяр полагал, что главной трагедией общества потребления являются конец производства и сопутствующее ему перераспределение системы знаков, которые замыкаются на себе, утрачивая референцию и обнажая свою смысловую пустоту, порождающую симулятивную гиперреальность [Бодрийяр 2006]. Такой процесс наглядно представлен в сферах рекламы и моды, в которых дискурс капитала нейтрализует пол, изымая из него природные, эстетические и этические корреляты и превращая его в объективацию искусственной игры знаков, целью которой становятся соблазн и престиж.

Ж. Бодрийяр писал о том, что именно половое различие становится основополагающим для культуры, в которой происходит деградация [Его же 2018]. Он имел в виду, что существуют более значимые и заряженные напряжением полюса различий между людьми, которые были актуальны в древних культурах, например, между инициированным и тем, кто не прошел инициацию. Он считал, что пол не поддается исчислению, поскольку он амбивалентен как отличие и может учитываться лишь как единица, из чего можно

вывести исполненный пессимизма взгляд на современный гендерный дискурс, в котором гендеров становится много, качественный характер между ними стирается за их количеством и неопределенностью, выражающейся в том, что они могут свободно перетекать друг в друга. Для Бодрийера множественность гендеров представляла бы собой игру знаков, охватывающую современное общество, похожее на маскарад, стирающий любые различия [Бодрийер 2000а; 2000б].

Продолжая мысль Ж. Бодрийера, можно принять его аргумент об онтологически более значимых различиях между людьми, чем гендерное или половое, и тогда вполне вероятно, что гендерный дискурс отражает не только кризис идентичности современного человека, но и кризис его духовного поиска в холодной реальности машин и технологий, из культуры которой исчезли инициатические практики, которые более всего были связаны с человеческим полом и часто сопровождалась символической андрогинизацией посвящаемого. Популярный сейчас образ бесполого человека отсылает к идентичности ребенка, о котором в контексте метафизики пола писал В. В. Розанов, что в нем пол еще не определен и не набрал силу, поэтому в нем прослеживается трансцендентное единство полов в их сочетании, которое проявляется в его живости и избытке энергии. Согласно В. В. Розанову, пол дифференцируется по мере взросления, а человек, в котором не происходит этой дифференциации, приводящей к тому, что один пол перевешивает другой, остается незрелым отроком, лишенным полноты жизненной энергии, муже-девой или дево-мужем [Розанов 2011]. Вполне вероятно, что современную культуру охватывает именно этот процесс в связи с тем, что возраст детства и юности значительно продлен, и в обществе отсутствуют какие бы то ни было практики инициаций, позволяющие провести четкое различие не только между полами, но и между статусами зрелости и незрелости.

Помимо проблемы зрелости, перед современным человеком стоит проблема его смерти, а тесную связь этой проблемы с метафизикой пола отмечали и А. Шопенгауэр, и Н. Бердяев [Бердяев 1989; Шопенгауэр 2015]. Лишившись инициатических практик, человек перестал получать социально регламентированный опыт символической смерти, что сделало его беззащитным перед ней,

несмотря на стремительное развитие технологий продления жизни. Можно предположить, что эксперименты с собственной гендерной идентичностью являются попыткой человека бросить вызов собственной смертности, отрицая власть пола, поскольку именно пол связывает человека с его смертной телесностью, которая не вписывается в абсолютизированные ценности вечного восхождения к успеху, сталкивая человека с его хрупкостью, уязвимостью и зависимостью. Отрицая пол, человек пытается отрицать свою смертность, утверждая новое, формируемое им самосознание в противопоставлении себя рабской зависимости от природы, обесценивающей его личную волю, свободу и уникальность.

Таким образом, гендерный дискурс в современном обществе не лишен тоски по утраченной им метафизике, несмотря на попытки постструктурализма и вытекающей из него квир-теории деконструировать метафизику посредством парадоксальных языковых конструктов, ставящих под сомнение бинарные оппозиции властных отношений. Размягчение иерархий в сочетании с ускорением темпов жизни привело к тому, что человек оказался в ситуации хаоса, в которой он лишился стабильности собственной идентичности и столкнулся с ее кризисом, ведь прошлая мечта о гармонии и единстве перестала соответствовать реалиям современного общества, требующим гибкости и плюрализма. Тем не менее вечные проблемы, связанные с жизнью и смертью, борьбой полов, расколом и целостностью, не утратили актуальности для современного человека, что, возможно, и стоит за его отчаянными поисками гендерного самоопределения в среде бесконечно расширяющихся возможностей и сменяющих друг друга событий. Обнуляя значимость своего пола и превращая его в гендер, человек стремится превзойти самого себя, выйти за собственные пределы и преодолеть ограниченность своей телесности, самостоятельно утверждая, каким ему быть.

Примечательно, что постмодернистская философия по своей сути критикует саму возможность создания чего-то принципиально нового как идеал модернизма, ведь из нее следует бесконечная пересборка одного и того же в бесплодных попытках окончательно освободиться от власти и субъекта, и бинарных оппозиций, которые можно лишь разобрать и размягчить, но не упразднить и не

подвергнуть синтезу. В отличие от постмодернистского дискурса о гендере, русская религиозная философия, повествующая об андрогине, считала творчество смыслом человеческой жизни и рассматривала его в тесной связи с проблемой пола, бинарность которого и является источником творческой энергии, которая ослабевает, когда выравниваются полюса [Бердяев 1989]. Однако сейчас мы наблюдаем не исчезновение, а изменение понимания творчества, которое уже значительно оторвалось от привилегированной фигуры автора и позволило обнаружить себя множественным, амбивалентным и диффузным структурам [Барт 1994], которые напоминают по форме изменчивую, пластичную и текучую гендерную самоидентификацию человека в пространстве современности.

Подводя итоги, важно отметить, что в современном обществе наблюдается поворот от метафизики пола к философии гендера, от запредельного по отношению к миру духовного идеала андрогина к свободному в творческом самоконституировании и представленному во плоти гермафродиту, от символического и воображаемого осмысления проблемы пола – к ее реальной трансформации в контексте глобализации, информатизации и капитализации общества. Философия гендера оказалась оторванной от метафизически-религиозного постижения глубинной тайны пола, что, с одной стороны, предоставило человеку больше свободы за счет нового бессущностного восприятия пола, но, с другой стороны, замкнуло проблему пола в языковом контексте, которого недостаточно для насыщения духовных потребностей человека и разрешения связанных с этой темой этических, эстетических и социальных проблем.

Литература

Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / под ред. С. С. Неретиной. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. СПб. : Алетейя, 2002.

Беме Я. Christosophia, или Путь ко Христу. СПб. : А-сэд, 1994.

Бердяев Н. А. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.

Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993.

- Бовуар С. Де. Второй пол: в 2 т. М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997.
- Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. М. : Добросвет, 2000а.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000б.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика; Культурная революция, 2006.
- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : Рипол-Классик, 2018.
- Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. М. : Мартис, 1998.
- Воронова А. В. Гендер как предмет междисциплинарного анализа [Электронный ресурс] : Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 196–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-kak-predmet-mezhdisiplinarnogo-analiza> (дата обращения: 28.09.2020).
- Гройс Б. Все меняется, но у нас нет ощущения перемен [Электронный ресурс]. URL: <http://globosfera.info/2015/02/10/vse-menyuetsya-no-u-nas-net-oshhushheniya-peremen/> (дата обращения: 29.09.2020).
- Джагоз А. Введение в квир-теорию. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008.
- Мальгина А. В. Гендер и этничность: конфликт идентификационных стратегий [Электронный ресурс] : Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2016а. № 4(23). С. 76–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-etnichnost-konflikt-identifikatsionnyh-strategiy> (дата обращения: 28.09.2020).
- Мальгина А. В. Социокультурное конструирование гендера: историческая динамика дискурсивных стратегий [Электронный ресурс] : Культура культуры. 2016б. № 3(11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsio-kulturnoe-konstruirovanie-gendera-istoricheskaya-dinamika-diskursivnyh-strategiy> (дата обращения: 28.09.2020).
- Платон. Диалоги. Апология Сократа. М. : АСТ, 2019.
- Плотин. Эннеады. К. : УЦИММ-ПРЕСС, 1995.
- Рассел Б. История западной философии. М. : АСТ, 2018.
- Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. М. : Книга по Требованию, 2011.
- Соловьев В. С. Смысл любви. СПб. : Азбука СПб, 2016.
- Тартаковская И. Гендер, нация и класс как ресурсы социальной мобильности [Электронный ресурс] : Социологическое обозрение. 2017. № 2.

С. 340–347. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-natsiya-i-klass-kak-resursy-sotsialnoy-mobilnosti> (дата обращения: 28.09.2020).

Техника «косого взгляда»: критика гетеронормативного порядка: сб. ст. / под ред. И. Градинари. М. : Ин-т Гайдара, 2015.

Тихонова В. Л. Культурная самоидентификация в социальной сети Интернета [Электронный ресурс] : Вестник АГТУ. 2016. № 1(61). С. 59–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-samoidentifikatsiya-v-sotsialnoy-seti-interneta> (дата обращения: 29.09.2020).

Федюнина Т. В. Гендер в условиях информационной культуры [Электронный ресурс] : Вестник ТГУ. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-v-usloviyah-informatsionnoy-kultury> (дата обращения: 28.09.2020).

Черняева К. О. Культурная идентификация в социальных сетях Интернета [Электронный ресурс] : Вестник ПАГС. 2010. № 1. С. 209–214. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identifikatsiya-v-sotsialnyh-setyah-interneta> (дата обращения: 29.09.2020).

Шипфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения. М. : Гнозис-пресс, 1997.

Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. М. : Азбука, 2015.

Эвола Ю. Метафизика пола. М. : Беловодье, 2012.

Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб. : Алетейя, 1998.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London : Routledge, 1990.